

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗОВАННЫЙ КЛАСС СЕРЕДИНЫ XX В.: МЕЖДУ ЛИЧНЫМ И СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМ

УДК 94:930.2(47+57)

doi 10.17072/2219-3111-2021-1-168-180

Ссылка для цитирования: *Лебеденко Е. Ю., Суржикова Н. В.* Дневник (не)обыкновенной женщины: диалоги со временем и поиски себя // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1(52). С. 168–180.

ДНЕВНИК (НЕ)ОБЫКНОВЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ: ДИАЛОГИ СО ВРЕМЕНЕМ И ПОИСКИ СЕБЯ¹

Е. Ю. Лебеденко

Институт истории и археологии УрО РАН, 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

hyulebed@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1067-3255

ResearcherID: AAJ-4526-2021

Н. В. Суржикова

Институт истории и археологии УрО РАН, 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

snvplus@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2308-8805

ResearcherID: Q-8162-2016

Scopus Author: 49964686900

Предпринимается попытка распознавания смыслов личного дневника жительницы послевоенной Тюмени Т.Д. Рожковой и отраженных в нем проявлений социального и индивидуального. Рассмотрено, как в дневниковом тексте выстраивался образ автора и соотносились его грани. Показано, как пристрастие дайаристки к пропагандистской риторике «культурности», перенесенное в сферу повседневности, совместились с ее собственным пониманием культуры. Рассуждения Т.Д. Рожковой о миссии советской интеллигенции и отношение к представителям «некультурных» слоев населения свидетельствовали о том, что ее социальные представления были иерархическими. Отмечено, что фасадная и «зафасадная» составляющие советской реальности в тексте дневника не вступали в конфликт, что говорит об аполитичности дайаристки. Показано, что пограничной для дневника темой, в рамках которой общественно обусловленное и индивидуально значимое перекликались и соприкасались друг с другом, стала тема труда/работы, понимаемого двояко: как коллективный подвиг и как индивидуальное творчество. Особенно значимым для дайаристки являлось создание автономного, изолированного от внешнего мира приватного домашнего пространства. Достижению этой цели способствовало обустройство жилища Т.Д. Рожковой в соответствии с ценностями зарождавшегося советского среднего класса с его увлечением домашним уютом и комфортом. Сделан вывод о том, что эпоха в дневнике Т.Д. Рожковой проявлялась прежде всего в тех риторических моделях и образных шаблонах, которые были актуальны в свое время и служили для дайаристки образцами.

Ключевые слова: эго-документы, дневник, эпоха, социальное, индивидуальное, идентичность, самообраз.

«Зонтичным» термином «эго-документы» в исторических исследованиях обозначается корпус различных источников, характеризующихся непременным присутствием «Я». В него входят частная переписка и «письма во власть», дневники и воспоминания, маргиналии и записки для памяти, травелоги и эгодокументалистика, служебные автобиографии и протоколы допросов. Их изучение видится необходимым в свете разрешения таких значимых для российского общества проблем, как самоактуализация личности в условиях массофикации социаль-

ных процессов и разрыв между «большой» национальной историей и частными историями людей.

Несмотря на наличие различных практик исследования эго-документов, все они условно могут быть разделены на две части. Первая из них тяготеет к традициям проблемной историографии, в рамках которой степень погружения в тот или иной эго-документ или комплекс эго-документов ограничивается заданным предметом изучения. При таком подходе собственно эго-документы, а также содержащаяся в них информация калибруются в соответствии с проблемно-тематическим принципом и принципом аналоговости/инвариантности. Именно так на материалах эго-источников изучаются общественные настроения, потребительские практики, мемориальная культура, идентификационные процессы и процессы субъективизации, что неизбежно выводит на типизацию или, как минимум, деиндивидуализацию человеческих опытов (см., например [Тихомиров, 2016, с. 138–158; Трифонова, 2015, с. 298–302]).

Вторая модель работы с эго-документами предполагает микроскопирование в первую очередь индивидуального. Авторский стиль, авторская логика, авторский взгляд, авторское понимание, авторские поведенческие выборы – это и другое «авторское» «экзотизируется» и подается как особенное прежде всего в рамках биографических штудий и персональной истории. При реконструкции вещного и духовного мира отдельного человека такая «гиперболизация» безусловно имеет смысл, фундируя целостность, «комплектность» авторского «Я» (см., например [Романова, Степанова, 2017, с. 30–38; Семенова, Тобуроков, 2018, с. 133–137])³.

Бесспорно, обе описанные модели изучения эго-документов продуктивны, поскольку позволяют решать различные исследовательские задачи. При этом никто не спорит и с тем, что в любом эго-документе засвидетельствовано одновременно и социальное, и индивидуальное. Их сегрегация всегда проблематична, поскольку и социальное, и индивидуальное разнообразны и множественны в своих проявлениях, сплетение которых и превращает каждый эго-источник в казуальный. Очевидно, именно в связи с этим поиски (не)обыкновенного, (не)простого человека, идущие в рамках изучения разных самоописательных нарративов, остаются актуальной исследовательской задачей (см. об этом, например [Савкина, 2015, с. 79–88])⁴. Пока эти поиски продемонстрировали только невозможность математически строго разрешить проблему «среднестатистического» индивида, а вместе с ней проблему выработки стройной системы социальных типов и пород. Кроме того, эти поиски зафиксировали, что «обыкновенность», «массовидность» человека не определяется на основе пары-тройки критериев, поскольку «исторический субъект может артикулировать себя вдоль нескольких дискурсивных осей, участвуя во множественности игр с идентичностями» [Халфин, 2002, с. 396]. Иначе говоря, эго-документы практически всегда указывают на то, что любому обществу релевантны бесконечно разнообразные «малые» группы и подгруппы. Их границы всегда разомкнуты и подвижны, в связи с чем у исследователя нередко возникает соблазн отказаться от понятия «общество» в пользу понятия «население» (см. об этом [Кустарев, 2002, с. 272]). В полной мере всё это относится и к советскому обществу середины XX в., стройность рядов которого носила исключительно фасадный характер. Дневник советской провинциалки, на основе которого написана настоящая статья, не просто подкрепляет эту мысль весомыми аргументами. Он фиксирует, что любой «самообраз», созданный автором того или иного эго-документа, противоречив и обманчив. Это всегда сеть означающих, сеть смыслов, в которой может запутаться даже сам автор.

«Устала очень, но все-таки хочется записат[ь]»:

«Сибирские тетради» и их автор

Автор изучаемого нами дневника, а точнее фрагмента дневника, Татьяна Дорофеевна Ходолей-Рожкова (1904–1985), родилась в Киеве, в семье потомственного почетного гражданина инженера-лесовода Д.М. Ходолея-Рожкова (1881–1950) (Дело о Рожкове-Ходолей Д.М.). В Киеве же прошло ее детство, совпавшее с эпохой войн и революций. Специальное образование Таня получила в Киевском железнодорожном техникуме (1922, не закончила по причине его закрытия), Киевском высшем техникуме внешних сношений (1926) и Московском промышленно-экономическом институте (1932). В Москве, куда семья Рожковых переехала в 1927 г., Татьяна обучалась не только в институте, но и на Высших литературных курсах им. В. Брюсова вплоть до их ликвидации в 1929 г. Что касается трудовой биографии Т.Д. Рожковой, то ее московский период был весьма разнообразен. За немногим более десяти лет она успела поработать

в редакции детского журнала «Искорка» и Московском союзе потребительских обществ, тресте Нарпит и на Кусковском химзаводе, заводе «Борец» и во Всесоюзной плановой академии при Госплане СССР. В Москве же Т.Д. Рожкова вступила в свой единственный брак, быстро закончившийся разводом (1934). Ни мужей, ни детей в ее жизни после этого не появилось.

Семьей для Т. Рожковой был любимый отец, вместе с которым в 1941 г. она оказалась в эвакуации в Тюмени. Здесь ее ждала работа в центральной городской библиотеке, редакции газеты «Красное знамя» (позже – «Тюменская правда»), областном музее. В 1947 г. в жизни Т. Рожковой наступил новый период, связанный с ее переходом на работу в Тюменский областной архивный отдел. С тех пор архивное дело, а с ним и история Западной Сибири стали делом всей ее жизни: сначала она занималась им в Тюмени, а затем, с 1955 г., в Тобольске.

Архивная работа, по признанию Т. Рожковой, была той самой творческой работой, к которой она всегда стремилась, пожертвовав более денежными и потому престижными вариантами трудоустройства (Автобиография Т.Д. Рожковой ... Л. 6). При этом было бы лукавством не заметить, что с этой работой, которая должна была помочь ей защитить диссертацию, Т.Д. Рожкова напрямую связывала надежду вернуться в Москву, куда еще в конце войны реэвакуировался ее отец. Но после его смерти в 1950 г. столица с каждым днем становилась все дальше, а принятое в 1955 г. решение перебраться в Тобольск стало определяющим для последних тридцати лет жизни дайаристки.

Т.Д. Рожкова умерла и похоронена в Тобольске, в архиве которого и хранится ее личный фонд. Его основу составляют именно дневники, представленные несколькими десятками тетрадей и блокнотов. Первое из шестнадцати дел с дневниками начинается записью от 3 февраля 1916 г. по старому стилю (Дневник, 1916–1922 гг. ... Л. 1). Последняя дневниковая запись сделана Т.Д. Рожковой 20 марта 1985 г., всего за пару недель до смерти (Дневник, 1977–1982 гг. ... Л. 240). Начатый, очевидно, по настоянию матери и постепенно приобретший черты и дневника-хроники, и дневника-травелога, и дневника-исповеди (см. подробнее о дневниках [Михеев, 2007]) дневник стал для Т. Рожковой значимой частью ее жизни, отражая переживания и размышления автора, его «внутреннюю жизнь»: «[Когда перечитала дневник,] который начала снова после перерыва лет в 15, то к удивлени[ю] увидела, что он совсем не скучен и очень разнообразен, что запись одного дня совсем не похожа на запись другого или третьего дня и в каждой записи оказывается что-нибудь интересн[о]е и характерное – оригинальная, новая мысль, интересные сопоставлен[и]я, словом внутрен[н]яя жизнь вовсе не бедна и не однообразна» (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 82 об. Запись от 13.12.1949). Облекая эту жизнь в слова, Т. Рожкова не просто следовала однажды заведенной привычке, она покорялась потребности – потребности в преданном друге и благодарном слушателе: «Один ты у меня поверенн[ый] и верн[ый] дру[г] – мой дневник. Ты хранишь все мои мысли и чувства свято и выслушиваешь меня всегда – [о]хотно. Это копилка моего сердца, мои[х] тревог и дум...» (Там же. Л. 162 об. Запись от 05.08.1950). Стоит ли удивляться, что со временем и сам дневник стал для дайаристки поводом для раздумий, которые позволили одновременно и фрагментировать, и обобщать написанное: «Перечитала свои забытые дневник[и] (Кавказский, Белоцерковский, Военного времени ([19]41–[19]42 гг.). Оказалось очень интересно ... Читала с большим увлечением Книгу моей жизни...» (Там же. Л. 169 об. Запись от 03.09.1950). Никакого парадокса эта одновременность не означала, зафиксировав обычную для дневника функцию синтаксически организовывать жизненный опыт скриптора.

Необходимо, однако, отметить, что строго последовательного описания жизни Т.Д. Рожковой ее дневник не дает, изобилуя массой временных разрывов. Именно эти разрывы, как нам представляется, позволяют декомпозировать текст ретроспективного источника и сосредоточиться на его отдельных частях. По сути, сама Т.Д. Рожкова дала нам право рассматривать в качестве одной из таких частей комплекс записей за июль 1947 – январь 1951 гг., «нареченных» автором «Сибирскими тетрадями» (Дневник, 1951 г. ... Л. 38 об. Запись от 17.05.1951). Созданные в Тюмени после пяти лет «молчания» дайаристки, эти тетради, по ее собственному признанию, знаменовали начало нового жизненного этапа: «Теперь настала вторая молодость...», «Итак начинается старая, но "новая полоса" жизни...», «...Открываю новую страницу своей жизни», «Я на перело[ме] двух эпох...» (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 25 об. Запись от 16.09.1947). Новизна этого этапа была обусловлена окончательным профессиональным само-

определением, завершением старых и поиском новых романтических отношений, а также уходом отца, единственного по-настоящему близкого автору дневника человека. Оглядываясь в прошлое, Т.Д. Рожкова при этом убеждала себя, что ей, наконец-то, удалось найти свое место в мире и обрести «душевное равновесие»: «Жизнь в "«далек[ой] Сибир[и]" у меня содержательн[ее] и внутренне гармонич[нее] чем в "Культур[ной] Москв[е]"» (Там же. Л. 82 об. Запись от 13.12.1949). Однако знакомство с дневником доказывает, что два мира, внутренний мир автора и мир вокруг него, то есть мир внешний, встречаясь на страницах дневника и тем самым объективируя «Я-для-других» и «Я-для-себя», были далеки от баланса. Как же они все-таки уживались между собой? Где пролегла тонкая граница между публичным и приватным, социальным и индивидуальным? Что она значила для повествователя и как выстраивалась?

«Так как я считаю себя таковой»: проблема самоопределения

Первое, что бросается в глаза при чтении дневника Т.Д. Рожковой, – это явное злоупотребление понятием «культурный» и его «производными»: «культурн[ый] интерес[ный] человек великолепно знает историю края», «хотя там культурных сил больше», «вполне культурн[ый] и научно построенн[ый] доклад», «я то дура надеялась на новое "культурное руководство"», «на чудесном экране увидела хорошую спокойную, культурн[ую] жизнь», «светлый, праздничный и главное настоящий культурн[ый] город» (Там же. Л. 5 об., 39, 72, 99 об. Записи от 15.07.1947; 11.01.1948; 26.11.1949; 10.02.1950). Объясняя эту особенность ретроспективного дневникового текста, можно было бы ограничиться ссылкой на исследование Й. Хелльбека, посвященное формированию советской субъективности [Хелльбек, 2017]. По его мнению, благодаря усвоению советскими людьми пропагандистских газетных клише «советскость» и «культурность» в дневниках 1930-х гг. практически синонимизировались, что особенно характерно для самоописательных нарративов оказавшихся в городе выходцев из деревни типа И. Подлубнова. Т.Д. Рожкова, какое-то время работавшая в сфере советской печати, безусловно, в совершенстве владела умением «говорить по-большевистски». Но ее пристрастие к риторике «культурности» вряд ли было обусловлено только этим. Это было бы слишком просто для дайаристики, в прошлом которой были некрестьянское и даже непролетарское происхождение, дом с прислугой, «старорежимная» гимназия, балетный класс, Брюсовские курсы и более десяти лет проживания в столичной Москве. Думается, что в случае с Т.Д. Рожковой пропагандистская риторика «культурности», транслировавшаяся из области «большой» государственной политики и политизированной эстетики в сферу повседневности [Бойм, 2002, с. 128–129; Волков, 1996, с. 194–213; Козлова, 1995, с. 143–153], удачно совместилась с ее собственным «интеллигентско-курсистским» пониманием культуры, предполагавшим чтение Мопассана, «изящество манер», вечера в театре или филармонии, ножные ванны и свежий воротничок. Именно таким образом Т.Д. Рожковой удалось остаться прежней, но в то же время стать вполне себе советской, отразив эту метаморфозу в таком самоопределении, как «интеллигенция 1920-х годов» (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 87 об. Запись от 25.12.1949).

При этом, примеряя на себя разные советские «мы», Т.Д. Рожкова видела в себе именно интеллигенцию, хотя в силу своих занятий вполне могла остановиться на категории «служащие». Ответ на вопрос «почему?» очевиден: потому что именно интеллигенция воспринималась дайаристкой как главная движущая сила культуры и «культурности»: «Мы солдаты великой арми[и] Совет[ской] интеллиге[н]ции – раскидываем свои палатки, где придется, где наша работа – там и дом... Мы интел[л]игенция – как зерна злаков на любой почве должны дать всходы ... и принести плоды нашей культуры ... разбудить спавшие богатства края, оживить культуру [и] мысль края, обобщить его историю, наметить перспективы его возможн[ого] роста и развития...» (Там же. Л. 74 об. – 75. Запись от 29.11.1949). Статус скромной служащей, не предполагавший таких грандиозных целей, явно не привлекал дайаристку, которая не могла не видеть, как к середине XX в. новая советская интеллигенция, правда, в основном техническая, или, как ее называли, научно-техническая, превратила СССР в сверхдержаву (см. подробнее [Золотарев, 2012, с. 44–56]). Принадлежать к интеллигенции теперь значило нечто большее, чем просто «нести свет в народ» и оставаться по примеру дореволюционной интеллигенции, в частности, по примеру отца Т.Д. Рожковой, «бездомными тружениками-интеллигентами» (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 74. Запись от 29.11.1949). Сама риторика, используемая Т.Д. Рожковой при характеристике миссии советской интеллигенции, не оставляет

сомнений в том, что для дайаристки это был не только вопрос культурной миссии: «Мы "гвардия Советской культуры" – советская интеллигенция – должны помочь нашей родине в ее процветании. "Потенциальные возмож[ности] края – превратить в кинетическ[ий] дей[с]твующ[ие]". Благородн[ая] прекрасная цель поставле[на] перед лучш[ей] в мир[е] сов[етской] интеллигенци[ей]. Родина предъявляет к нам высокие требов[ан]ия и оказывает нам высокое дов[е]рие, которое мы должны оправдать» (Там же. Л. 78 об. Запись от 04.12.1949). Для автора дневника принадлежность к советской интеллигенции с ее особым историческим назначением была прежде всего знаком включенности в ряды передового социального класса, то есть знаком статуса. Иначе говоря, за рассуждениями дайаристки о миссии советской интеллигенции стоял не только и не столько вопрос дела, сколько вопрос иерархии и превосходства.

Отношение Т.Д. Рожковой к представителям неинтеллигентных, по ее разумению, слоев, слоев «некультурных», также свидетельствует о ее социальных представлениях как об иерархических: «Поездка [в Салехард] дала много интересного – сколь[ко] людей, встреч, жизней, интере[сных] и трагич[еских] и[с]торий... Вот едут рядом две деву[шки] Ида и Лида, ... одна зоотех[ник.] – Хотела ее поучить, ей расск[азать], и вдруг эта деви[ца] – сама мне рассказ[ывает] столь[ко] интере[сного] о своей работе, о поездках на оленях по чумам, даже о колхозной политике и работе геологи[ческих] экспе[диций] на Севере... Теперь [я] уж понево[ле] стала осторожней пригляды[ваться] к "просты[м] люд[ям]" и увидел[а], что [нрзб.] люди вовс[е] "не просты"... Вот хоть бы девушка едущая со мной в каюте – "барышня-крестьян[ка]" – как я ее мысл[енно] назыв[аю]. 17 летн[ая], еду[щая] из "глухой" дере[вн]и, хочет учит[ься]. Тиха[я], скром[ная] – но в ней вовс[е] нет грубости и дерев[енской] дик[о]сти – преждни[х] крестьянок. Скромн[ая], но знает себе цену. Для ме[ня] они [все] вроде подопытных кроли[ков]» (Там же. Л. 20–20 об. Запись от 28.08.1947). Удивление, которое вызывают у дайаристки вдруг оказавшиеся вовсе не простыми советские люди, было не просто удивлением. Вертикальность социальных связей воспринималась ею как незыблемая данность, и интеллигентские порывы «поучать» «барышень-крестьянок» объективировали и фундировали эту вертикальность, вовсе не предполагая стирания или, как минимум, сокращения социальной и культурной дистанций.

В полной мере это проявлялось и в отношении дайаристки к более статусному, чем интеллигенция, социальному слою – слою номенклатурно-партийных работников. Получив отказ в переводе в Москву, в Государственное архивное управление, Т.Д. Рожкова сокрушалась: «Мое – не суйся слишком высоко! Вздумала самому [генералу] Стырову писать – ишь что выдумала! Все ж таки у нас еще не полный коммунизм и запросто с генералам[и] не разрешается говорить...» (Там же. Л. 50 об. Запись от 05.09.1949). «Я (беспартийная интеллигенция) нигде не имею опоры и защиты... Подумаешь беспартийный мелкота и туда же еще с настроеньями!» – снова расстроилась дайаристка, в очередной раз убедившись в том, что советская социальная реальность была далека от всеобщего равенства (Там же. Л. 80 об. Запись от 07.12.1949).

Вместе с тем, ненавидя «примазавши[х]ся к партии ... во имя своего мелкого, напыщенного самолюбия» (Там же. Л. 87 об. Запись от 25.12.1949), Т.Д. Рожкова противопоставляла им себя как настоящего большевика: «Говорят "нет таких крепостей, которых бы не брали бы большевик[и]", а т[ак] к[ак] я счита[ю] себя таково[й] (независ[имо] от билета), то горжусь, что довер[ие] оправда[ла]...» (Там же. Л. 8. Запись от 05.08.1947). Такого плана рассуждения были довольно распространенными в «интеллектуальном быту» советской эпохи, укрепляя Т.Д. Рожкову и ее современников в самосознании настоящих советских интеллигентов. И именно такие рассуждения давали автору дневника право воспринимать себя одновременно и как доминирующую, и как доминируемую. Выступая то в той, то в другой роли, она сознательно или бессознательно примиряла себя с непростой социальной реальностью и при этом оставалась сама собой. Иначе говоря, дневник, в пространстве которого дайаристка выстраивала свою идентичность, позволял бесконфликтно соседствовать различным стратегиям самовосприятия и самообъективации.

«Внешне произошло не так много»: образ эпохи

Поскольку Т.Д. Рожкова являлась безусловной носительницей позитивной советской идентичности, реалии общественно-политической жизни в СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг. в ее дневнике отражались абсолютно просоветски и по-советски. Ощущение это

только усиливает тот факт, что дайаристка фокусировалась главным образом на атмосферно, риторически, символически и ритуально важных для сферы политического «вещах». Стенгазета, политинформация, демонстрация, политучеба, соцобязательства, субботник, годовой план, политпросветотдел – эта и другая советская атрибутика рутинно-обыденно присутствовала практически на каждой странице «Сибирских тетрадей». Хроникальный же подход к документированию актуальных политических событий Т.Д. Рожковой был не близок. Это, впрочем, закономерно, если учитывать то, что из далекой Тюмени «большие» события были ограниченно различимы. Пожалуй, единственным из таких событий, отмеченных в дневнике, стала отмена карточной системы. «Переворот! Экономическая революция! Отмена карточной системы, денежная реформа и снижение цен. Все сегодня ходят именинниками и обнимаются чуть ли не как в день Победы. Все сияют и радуются возможности жить по-человечески и сбросить дерюгу войны... Все магазины даже продуктовые позакрывались, не выдержав натиска толпы, кто "на ремонт", кто "на выходной", а кто без всякого объяснения. Сегодня все магазины открыты уже с новыми ценами и торгуют на новые деньги. Нам выдали только сто руб[лей] на человека, т[ак] к[ак] неправильно была составлена ведомость. Я пошла поглядеть да потолкаться... Подошла к калошам и глазам не верю – вместо 200 руб[лей] – 34 руб[ля] "Не вынесла (уж тут) душа поэта!" и я забыв все на свете (главное долги) купила пару галош для моих оленьих пимов», – отметила дайаристка, с репортажной детальностью воспроизводя местные реалии реформы 1947 г. прежде всего потому, что она была событием, действительно значимым для каждого советского человека (Там же. Л. 33–33 об. Запись от 16.12.1947).

Такой же статус – статус значимого события – для Т.Д. Рожковой имели «встречи» со Сталиным, каждая из которых обязательно фиксировалась. «Встречи» эти были разными. Так, в декабре 1947 г. во время выборов в Тюменский областной Совет депутатов как заместитель председателя избирательной комиссии Т.Д. Рожкова, восседая под огромным портретом вождя, попала вместе с ним в кинохронику. В другой раз, не в силах пережить обиду, нанесенную начальством, дайаристка ищет поддержки, защиты у Сталина: «Стали[н] нас учит, что кадры надо беречь[ь] ... и забо[титс]я о них, как садов[ник] забо[тится] и выра[щивает] цв[е]т[ы] в сво[ем] саду. Кадры – это сам[ое] дорого[е], что е[с]т[ь] у нас» (Там же. Л. 87 об. Запись от 25.12.1949). В мае 1950 г. она воочию увидела Сталина на демонстрации в Москве: «Цель приезда к праздникам выполнена – на параде была и тов[арища] Сталина видела... около 12 ч[асов] двинули по Тверской – вниз на Красную площадь... Я очень беспокоилась будет ли тов[арищ] Сталин, которого мне велели обязател[ьно] повидать. И мне повезло – как раз когда наша колонна поравнялась с Мавзолеем, тов[арищ] Сталин подн[и]мался быстрыми шагами по правой лестн[и]це на трибуну» (Там же. Л. 119–120. Запись от 05.05.1950).

Однако личная «встреча» Т.Д. Рожковой со Сталиным не возымела такого эффекта, который обычно вызывала у современников – эффекта «завороженности» (см. подробнее [Паперно, 2004, № 4 (68), с. 102–126]). Возможно, это было связано с тем, что такой «встречей» со Сталиным могли похвастаться миллионы. Что действительно произвело огромное впечатление на дайаристку, так это доверенная ей «миссия» по подготовке поздравительной телеграммы вождю в честь его 70-летия: «Вечером было собрание в честь 70-летия тов[арища] Сталин[а]... Решил[и] послать телегра[мм]у тов[арищу] Стали[ну] и какая честь! Меня и еще двух тов[арищ]ей выдвинули составить текст. Тов[арищ] Стали[н] – конечно, не смож[ет] прочесть ее – а все же приятно» (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 85–85 об. Запись от 20.12.1949). Приятно в этой ситуации было не просто хотя бы символически приблизиться к Сталину, – приятно было оказаться к нему ближе, чем другие, а значит, оказаться статуснее этих других. Это, как и другие rendez-vous со Сталиным запечатлело, что для дайаристки он был не столько живым человеком, сколько олицетворением Высшей Власти, Большой Истории и просто всего самого лучшего. Витринное оформление эпохи – а именно такой модели нарративизации публичного придерживалась Т.Д. Рожкова – без Сталина было не просто дефицитным, без него оно вообще было невозможным.

Тот факт, что дайаристка фиксировала посредством поверхностных, лишенных претензий на рефлексию, дескрипций в первую очередь «декоративные», внешние признаки советской общественно-политической жизни, вовсе не означал, что она была «близорука» и не видела ничего другого. Судно с заключенными на Оби, колхоз «Перековка», «где успешно пере-

ков[ались] бывшие кулаки», послевоенный разгул преступности, «последствия засухи 1946 г.», кампании по борьбе с «марризмом» и космополитизмом, – эти атрибуты эпохи редко, но все-таки обозначались автором в дневнике (Там же. Л. 5, 17 об., 120, 170 об. – 171. Записи от 14.07.1947.; 24.08.1947; 05.05.1950; 08.09.1950). Больше того, Т.Д. Рожкова, как и ее современники, прекрасно знала, что в Стране Советов есть кого и чего бояться. «Был у нас в архиве сегодня девичий переполох! Меня вызывали с МГБ – все всполошились – но каков был переполох когда я задержалась там целых 4 часа! Они уж работать не могли ... просто не ждали уже меня видеть живой», – записала она в дневнике однажды с плохо скрываемой радостью, что все обошлось (Там же. Л. 101. Запись от 24.02.1950).

При этом, как и в случае с благостными характеристиками советской действительности, проговариваясь о ее изнанке, автор дневника упорно избегала оценочных суждений. Такой, во многом «детский» взгляд на жизнь объясняет, почему фасадная и «зафасадная» составляющие советской реальности в тексте дневника Т.Д. Рожковой не вступают в конфликт, будучи рядом-положенными и даже сплавленными. Но бесконфликтность и сплавленность, отраженные в той части дневника, которая касалась отношений автора к общественно-политической сфере, не должны обманывать. Они если и свидетельствовали о Т.Д. Рожковой как о настоящем советском человеке, то лишь в том смысле, что, как и большинство представителей так называемых «исполнительских слоев» советского общества, она, принимая заданные риторические и поведенческие стандарты и тем самым обозначая свое фоновое присутствие в сфере публичного, была глубоко аполитична. Поэтому даже несоветский бэкграунд не мешал Т.Д. Рожковой скользить по поверхности эпохи, вписываясь в ее повороты и соответствуя ее знакам. Не случайно, демонстрируя свойственное своей натуре стремление быть на виду, проявлявшееся в участии в читках газет, организации лекций или сочинительстве стихов по случаю «красных» дней календаря, она замечала в своем дневнике: «Внешне произошло не так много...» (Там же. Л. 23. Запись от 16.09.1947).

«Без творчества для меня гаснет свет»: тема труда

Одним из лейтмотивов дневника Т.Д. Рожковой, вне всякого сомнения, являлась тема труда. Вряд ли требуется доказывать, что этот факт был обусловлен другим, отмеченным еще в 1920–1930-е гг., фактом – фактом политизации, героизации и романтизации труда, позиционировавшегося в рамках советского проекта как смысл и основа человеческого существования. Именно в связи с этим одним из известных жанров советской литературы стал жанр «производственного романа» (см. [Земскова, 2016]), сюжетные доминанты, образы и смыслы которого затем переключались и в политически ангажированное советское кино. В дневнике Т.Д. Рожковой, живо интересовавшейся книжными новинками и новинками проката, эталонные для своего времени нарративные и визуальные интерпретации трудовой тематики просто не могли не проявиться. «Стало хорошо и радостно работать, силы словно удвоил[ись] – чувствовалось – что мы работаем как одна дружна[я] семья – во имя общего дела – взаимные уваже[ние] и чутко[с]ть были цементом, связыва[в]шим нас и создав[авшим] хорошую и здоровую товарище[скую] среду», – записала дайаристка 25 декабря 1949 г., задокументировав тот факт, что рядом с трудом в ее – и не только в ее – представлениях шел прежде всего коллективизм (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 87 об. Запись от 25.12.1949).

Сопоставление трудового коллектива с семьей также прямо отсылало к актуальному идеалу как трудовых, так и любых других социальных взаимодействий – идеалу, который благодаря К. Кларк известен историкам как сталинский миф о «великой семье» [Кларк, 1992, с. 72–96]. Что касается собственно труда, то он трактовался дайаристкой так, как того требовал общий контекст коллективистской военной культуры – как вечный бой, как бесконечная ожесточенная борьба с трудностями и препятствиями, преодоление которых было настоящим событием: «Сегодняшн[ий] день был утомит[елен], но хотя бой был тяжел – победа осталась за нам[и]»; «Победоносно закончена борьба за выполнение плана I квартала, который висел на волоске» (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 63 об., 111 и др. Записи от 23.10.1949, 02.04.1950 и др.).

«Вчера смотрела прекрасн[ый] фильм "Далеко от Москвы" по одноименной повести Ажаева². Какая яркость образов! Содержание [–] красота свободного, одухотворенного, социалистического труда, красота душевного строя советских людей, строивших в труднейших зимних условиях Дальневосточног[о] Края – нефтепровод для Кончеланской нефти. ... Какая сила

и красота в их героическ[ом] труде!» – записала Т.Д. Рожкова в своем дневнике, как бы суммируя характеристики образа труда, типичного для массовой культуры первых тридцати лет советской истории (Там же. Л. 194 об. Запись от 29.12.1950).

Однако помимо субмотива коллективного труда-подвига в тексте дневника Т.Д. Рожковой присутствует и другой субмотив – субмотив труда-творчества, причем творчества индивидуального. Авторские представления, дрейфуя в этом направлении, выражались в стремлении дайаристки реализовать себя прежде всего на научном поприще: «Работать я могла столько угодно и надрываться тоже – но прав в научном мире получить не могла – одни только обязанности! ... Хочется получить, хоть скромное, но свое собственное имя в науке...» (Там же. Л. 76 об. Запись от 02.12.1949). Больше того, мотивы индивидуального творчества не просто обнажали социoproфессиональное кредо Т.Д. Рожковой. Они в конце концов сомкнулись с мотивами более высокого порядка: «Найден правильный жизнен[ны]й путь, которого я тщетно искала столько лет. Завоевана уверенность в своих силах и самое главное сознание полезности и ценност[и] своей работы... наконец завоевал[а] и право на творче[ски]й труд» (Там же. Л. 57. Запись от 02.10.1949).

Но были ли эта «находка» и это «завоевание» личными находкой и завоеванием дайаристки? Нам представляется, что за пафосом приведенных строк стояло нечто большее и прежде всего уже надвигавшиеся изменения в производственной сфере, медленно, но верно вступавшей на путь технизации и интеллектуализации. Они, в свою очередь, означали все большую и большую специализацию труда, которая со временем превратит в новых героев советского мифа о труде инженеров и ученых. Рабочие-герои социалистических строек 1930-х гг. при этом станут героями прошлого, а широко распропагандированный коллективизм и неумолимо наступавший вместе с процессом «приватизации жизни» индивидуализм придут в противоречие.

Можно, таким образом, сказать, что в своих дневниковых рассуждениях Т.Д. Рожкова, сама того не замечая, достоверно отразила характерный для советского общества рубежа 1940-х и начала 1950-х гг. дискурс труда. Но в дневнике Т.Д. Рожковой тема труда занимает слишком большое место, чтобы увидеть в этом только (ре)трансляцию каких-то социальных интуиций. Для Т.Д. Рожковой, много раз пытавшейся, но так и не сумевшей устроить свое личное женское счастье, возможность самореализации в труде/работе была чрезвычайно важной и глубоко личной темой. Именно поэтому дайаристка так радовалась своим трудовым творческим успехам («Вчера помещена была в Областн[ой] газете моя статья на тему "Тюмен[ски]й край в дни Пугачевского восстания". Я очень рада – просто праздник на душе... Оказывается в школах даже читали мою статью вчера. Очень приятно! Не даром поработала» (Там же. Л. 56. Запись от 28.09.1949)) и так расстраивалась по поводу не только успехов, но и простого невнимания к ее работе («Никто не ценит, что ты любишь[ь] свое дело» (Там же. Л. 84 об. Запись от 20.12.1949)). И опять-таки поэтому после очередного разочарования в любви Т.Д. Рожкова записала в дневнике: «Судьба была жестока ко мне и безжал[ос]т[но] дав хорошее, ласковое детство, бедную, но красивую юность, трудную полную борьбы, труд[н]ост[ей], одиночества и разочаров[ани]й молодот[с]ть – и вот теперь тишина Сибирских снегов и безразличие к своим преж[ни]м мечтам о счастье... Только дело, толь[ко] работа и кино, книги...» (Там же. Л. 94. Запись от 15.01.1950). Там, где «обычные» советские женщины рассказывали о семье, муже, детях и т.д., Т.Д. Рожкова вновь и вновь обращалась к теме труда/работы, которую, на наш взгляд, можно считать пограничной для ее дневника темой, – темой, где общественно обусловленное и индивидуально значимое перекликались и соприкасались.

«Мой мирок в большом холодном мире»: поиски убежища, покоя и уюта

Несмотря на то что в характере Т.Д. Рожковой безусловно присутствовало стремление быть на виду, в центре внимания, это не мешало ей любить уединение, покой и комфорт. Однако их обретению не способствовали послевоенные реалии, и прежде всего «квартирный вопрос». Как известно, к 1950 г. размер жилищного фонда в СССР вырос до 513 млн кв. м, что было на 90 % больше, чем в 1940 г., но на одного жителя в среднем приходилось порядка 4,67 кв. м жилой площади, что было на 8 % меньше предвоенного показателя [Фильцер, 2011, с. 128]. В Тюмени, население которой в 1945–1953 гг. увеличилось с примерно 90 до почти 135 тыс. чел., ситуация была похожей. По данным А.В. Мордвинцевой, только 4 % тюменцев

проживали в условиях, когда на одного человека приходилось более 9 кв. м жилой площади, 6 % могли иметь по 7–9 кв. м, 29 % – по 4–7 и 61 % – менее 4 [Мордвинцева, 2010, с. 129]. Очевидно, что в такой ситуации обладание, даже временное, целой комнатой было настоящим счастьем. Вот и Т.Д. Рожкова, подводя личные итоги 1947 г., особенно подчеркивала обретение «нормальной человеческой квартиры». «Какое счастье! Просто не могу себе поверить. Не смотря на болезненное п[е]реутомление – это меня радует и примиряет с жизн[ью]», – отмечала дайаристка, считавшая, что ее «жалкое тюменское существование» до того предопределялось именно отсутствием своего «уютного уголка» (Дневник, 1947–1951 гг. ... Л. 7 об., 27 об. Записи от 02.08.1947 и 06.10.1947). Найдя же такой уголок, оказавшийся одной из комнат городской усадьбы сестер Шестаковых, Т. Рожкова на протяжении последующих пяти лет неустанно подчеркивала его значимость как неперемennого условия «светлой, счастливой жизни» (Там же. Л. 38 об. Запись от 11.01.1948).

Важно отметить, что ранее снимаемая в частном же доме комната (правда, в заречной части Тюмени) не смогла вызвать у дайаристки подобных чувств. Иначе, как «малиной» или «воровской берлогой», где обитала «темная публика» во главе с «заречной ведьмой», она это место не называла. И дело было не просто в «мрачных рожах» и «отборной площадной брани», типичных для этого места. Прежде всего здесь Т.Д. Рожкову не устраивали постоянные бесцеремонные вторжения хозяев и соседей в ее приватное «домашнее» пространство. «Отняли лампу, матрас, заставили стол цветами, негде было готовить», «выкинули вещи из комнаты, пользуясь моим отъездом» – к таким и иным проявлениям «экономической блокады» привыкнуть было невозможно, поскольку проницаемость границ личного жизненного пространства, их незащищенность не позволяли «дому» выполнять его главную функцию – функцию «убежища» (Там же. Л. 27. Запись от 06.10.1947).

Возможно, этот печальный опыт стал причиной того, что и хозяйку своей новой «квартиры» Т.Д. Рожкова сначала не очень-то жаловала: «Уехала в Тобольск погостить Анна Васильевна[а]. Стало уютнее и проще дома, а то пока она есть, всегда чувствуешь какое-то "недремл[юще]е око" хозяйское – и вечно слышиш[ь] наставлен[ия], замеч[ания] и требованья. Чувствуеш[ь] себя вечно долж[ни]ком» (Там же. Л. 56 об. Запись от 29.09.1949). Со временем, однако, домовладелица и члены ее семьи стали для дайаристки близкими, «своими» людьми, которые, как могли, заботились о ней: «Первый день Пасхи... Мои милые хозяйки сделал[и] все, что бы дать мне получше отдох[нуть] – не открывали ставни пока я не встала, не включали радио и не давали Наташе шуметь у меня под дверью. ... Добрейш[а]я М[ария] В[асильевна] пришла ко мне Христостов[а]т[ь]ся и принесла мне на тарелке пару пирожк[ов], крашеное яичк[о] и маленький куличек» (Там же. Л. 114 об. Запись от 09.04.1950).

Внимание хозяев к постоялице не было при этом явлением праздничным, оно было явлением повседневным, особенно важным для дайаристки в не самые лучшие для нее дни: «Меня позвали пить вместе чай. Наточка и Марья Васильевна – видя мое тяжелое настроени[е] – старались быть со мной как можно ласковее. Наточка притащила сказки и взобравшись ко мне на колени вместе с кошкой Муськ[ой] стали слушать. А я их обняла и заплакала. Ведь это все, что у меня есть на свете. Все же ласка простых челове[ч]еских сердец меня утешила немного и согрела мое бедное сердце» (Там же. Л. 59. Запись от 07.10.1949). Стоит ли удивляться, что Т.Д. Рожкова ощущала себя практически частью семьи Шестаковых, воспринимая домовладелицу и ее сестру как «тетушек», а их внучку Наташу – как «дочку» (Там же. Л. 39. Запись от 01.01.1948).

Используя при описании своей новой квартиры такие характеристики, как «патриархальный покой» и «редкая по гармоничности среда», дайаристка, однако, имела в виду не только свои почти родственные отношения с Шестаковыми. По-настоящему личным, родным уголком в «избушке» Шестаковых для Т.Д. Рожковой стала ее комнатка, служившая ей укрытием от «шума и утомительной суеты», пространством свободы «от всех и всего» (Там же. Л. 72 об., 182. Записи от 27.11.1949 и 07.11.1950). Подчеркивая важность этой свободы, дайаристка особенно радовалась тому, что ее маленький мирок наконец-то автономен, изолирован от внешнего мира: «Моя уютная комнатка для меня тоже, что шалаш Робинзона, скажем на каком-нибудь экзотичес[ком] острове, либо палат[ка] Папани[на] на льдин[е]» (Там же. Л. 74 об. Запись от 29.11.1949).

Однако одной автономности, изолированности для превращения комнаты в действительно личное пространство покоя и гармонии было мало. Личным его делали вещи, которые придавали скромному жилищу дайаристки такое качество, как уют. О том, насколько он был важен для Т. Рожковой, свидетельствует тот факт, что само слово «уют» и его производные повторяются в дневнике десятки раз (Там же. Л. 28., 37–37 об., 48 об. и др. Записи от 06.10.1947; 02.01.1948; 27.08.1949 и др.). При этом на фоне произошедшей в послевоенный период реабилитации материальных благ, как и реабилитации уюта в целом³, при характеристике его составляющих дайаристка в первую очередь останавливалась на предметах, которые ассоциировались с «культурностью» (дорожках, занавесках, цветах, этажерках и т.д.). Едва ли не главным ее материальным воплощением и, соответственно, воплощением уюта был абажур, многократно упоминавшийся в дневнике в самых разных контекстах (Там же. Л. 48 об., 79, 180 и др. Записи от 28.08.1949; 05.12.1949; 08.07.1950 и др.). Абажур наряду с занавесками был не просто «бытовым символом эпохи». Оба этих признака нормативного быта были важны как инструменты дифференциации жизненного пространства, как доказательства самой возможности «обособленного частного пространства» в условиях, которые мало способствовали его созданию и воспроизводству [Волков, 1996, с. 10].

Другим маркером культурности, зафиксированным в дневнике Т. Рожковой, стало наличие в интерьере ее жилища книг и журналов. Они должны были демонстрировать не только принадлежность хозяйки к нарождающемуся советскому «среднему классу», но и ее особый социопрофессиональный статус⁴. Логичным дополнением к книгам служили размещенные на стенах комнаты портреты «мыслителей и гениев человечества» (например, А.П. Чехова), репродукции картин И.И. Левитана, Е.Е. Лансере и М.С. Сарьяна, а также фотографии родителей Т. Рожковой, призванные фундировать своеобразную «элитарность» статуса дайаристки, ее отличие от окружавших ее «простых» и «немудрящих» людей (Там же. Л. 43. Запись от 13.08.1949). «Мне никогда не скучно в моей милой комнате с моим[и] книга[ми]», – констатировала Т. Рожкова в один из дней, не просто говоря о своей любви к «дому» и книгам, а подчеркивая именно «культурность» своего быта и занятий (Там же. Л. 100 об. Запись от 19.02.1950).

Однако помимо «культурных» символов обихода в комнатке Т.Д. Рожковой присутствовали вещи, функционально весьма сомнительные, но по-своему уютные: «Чтобы скрасить пустоту своей одинокой жизни, чем-то согреть ее и заполнить каким-то уютом ... у меня везде рамочки, карточки, флакончики, картинки – все эти милые пустячки – украшают мой "робинзонов шалаш" – такой пустой без них» (Там же. Л. 164. Запись от 15.08.1950). Такие вещи, не вписываясь в нормативный образ рационального советского быта, были прямой отсылкой к тем слоникам, фикусам и искусственным цветам, с которыми как с «домашним хламом» активно боролась советская пропаганда. Стремясь отвести от себя обвинения в «обуржуазивании» быта, Т. Рожкова пыталась объяснить свою привязанность к разнообразным безделицам, апеллируя то к детским воспоминаниям (Там же. Л. 164, 181. Запись от 15.08.1950 и 04.11.1950), то к метафоре «любимой науки» – политэкономии: «Почему меня так радуют милые вещички, образующие уют моей комнатки. Потому, что каждая вещь – это кристал[л], овеществов[ляющий] чей-то труд – это концентрат челове[ческой] воли и умения» (Там же. Л. 97 об. Запись от 26.01.1950).

Окончательно легитимировать «милые вещички» и свою привязанность к ним Т.Д. Рожковой позволили образы живых вещей, заимствованные из пьесы М. Метерлинка «Синяя птица». «Щипч[ики] новые на розовом стеклянн[ом] блюде», «новая грелочк[а]», «голубая ми-сочка для суп[а]», «пальто и платье и духи» – все это превратилось в «домашние блаженства» и «маленькие радости», а миниатюрный сверчок-будильничек на книжной этажерке и вовсе обрел «душу», напрямую отсылая к «Душе Часов» в хижине дровосека из «Синей птицы» (Там же. Л. 97 об., 163, 164, 181. Записи от 26.01.1950; 13.08.1950; 15.08.1950; 04.11.1950). «Одушевление», метафорическая витализация вещей сделали их «заботливыми друзьями», ежедневно встречающими свою владелицу «молчаливым приветом», дающими ей возможность «забыться и отдо[х]н[ут]ь в их ласков[ом], теплом кругу» (Там же. Л. 97 об. Запись от 26.01.1950). Создавая таким образом изолированный от внешнего мира уголок приватности, Т.Д. Рожкова не просто утоляла «жажду материального», охватившую послевоенное советское общество [Dun-

нат, 1976, р. 42–43]. Она интуитивно признавала ценности зарождавшегося советского среднего класса с его «увлечением домашним уютом и обустройством личного уголка» и характерным для этого увлечения «позитивно окрашенным дискурсом вещей как предметов потребления» [Бойм, 2002, с. 59, 96; Гурова, 2005, с. 13–14].

Очевидно, что «Сибирские тетради» Т.Д. Рожковой можно было бы «расширять» и дальше, выделив в самостоятельные тематические блоки рассуждения автора о смерти, литературе, природе, времени, любви и мн. др. Однако это вряд ли что-то добавит к уже очевидному выводу: главной задачей своих записей дайаристка не считала объективное отражение реальности. Для Т.Д. Рожковой дневник был прежде всего пространством диалога с эпохой и запечатления себя на ее фоне. Но в этом оттиске, вне всякого сомнения, отразилась не совсем дайаристка, а образ дайаристки, сконструированный ею самой. И, безусловно отражая дыхание эпохи, ретроспективный источник обнаруживал ее черты не только и не столько посредством экспозиции определенных событий или бытовых деталей. Эпоха в дневнике Т.Д. Рожковой проявлялась прежде всего в тех риторических моделях и шаблонных образах, которые были актуальны в свое время и явно или неявно служили образцами для дайаристки. Именно поэтому фрагменты дневника Т.Д. Рожковой и напоминают то страницы любовного романа, то репортажные зарисовки, то дорожные записи, то поэтические тетради, то пейзажные этюды и т.д., и т.п. Для неравнодушной к тексту и языку дайаристки, что засвидетельствовал весь ее жизненный путь – путь слушательницы Брюсовских курсов, журналистки, архивиста, краеведа, лектора и, наконец, поэтессы, дневник стал средством реализации ее потребности в словесном творчестве. Однако вопросы о том, осознавала ли все это сама дайаристка и насколько честна она была со своим дневником, превращенным в средство сборки и пересборки образа самой себя, остаются открытыми.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00221.

² Роман В. Ажаева «Далеко от Москвы» (1949) был ажиотажно популярен в СССР и лег в основу одноименного фильма, снятого А. Столпером (1950). И роман, и фильм были удостоены Сталинской премии, став вершиной развития советского «производственничества» (см. об этом [Лахусен, 2000, с. 609–624]).

³ О послевоенной реабилитации уюта см. [Бойм, 2002, с. 58–59; Гурова, 2005, с. 13–14; и др.].

⁴ О книгах как элементе интерьера и признаке «культуры» см. [Козлова, 1995, с. 148].

Список источников

- Автобиография Т.Д. Рожковой // Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–6.
Дневник, 1916–1922 гг. // ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–265.
Дневник, 1947–1951 гг. // ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–201.
Дневник, 1951 г. // ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–127.
Дневник, 1977–1982 гг. // ГАТ. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–249.
Дело о Рожкове-Ходолея Д.М. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 994. Оп. 4. Д. 2631. Л. 1–60.

Библиографический список

- Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. 310 с.
Волков В.В. Концепция культуры, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социол. журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
Гурова О.Ю. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. ст. Новосибирск: Б.и., 2005. С. 6–21.
Земскова Д.Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 247 с.
Золотарев О.В. Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 44–56.
Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопр. лит. 1992. № 1. С. 72–96.

- Козлова Н.Н.* Соцреализм: производители и потребители // *Обществ. науки и современность.* 1995. № 4. С. 143–153.
- Кустарев А.* Об агентах советского хронотопа // *Ab Imperio.* 2002. № 3. С. 261–273.
- Лахусен Т.* Как жизнь читает книгу: массовая культура и дискурс читателя в позднем соцреализме // *Соцреалист. канон: Сб. статей.* СПб.: Академический проект, 2000. С. 609–624.
- Михеев М.Ю.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 262 с.
- Мордвинцева А.В.* Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 286 с.
- Паперно И.* Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // *Нов. лит. обозрение.* 2004. № 4(68). С. 102–126.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. 317 с.
- Романова Е.Н., Степанова Л.Б.* Дневник А.Н. Никифорова: жизнеописание как коммуникативное пространство // *Ист. журнал: Науч. исследования.* 2017. № 6. С. 30–38.
- Савкина И.Л.* «Я же – человек обыкновенный»: анализ двух женских дневников советского времени // *Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология.* 2015. № 4. С. 79–88.
- Семенова В.Г., Тобуроков Н.Н.* Дневник как отражение личности писателя (на материале дневников А. Софронова и С. Данилова) // *Междунар. науч.-исслед. журнал.* 2018. № 1–4 (67). С. 133–137.
- Тихомиров А.А.* Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское "Я" в письмах во власть в ранней Советской России // *Новейшая история России.* 2016. № 3 (17). С. 138–158.
- Трифопова В.В.* Конфликты идентичностей в социально-политическом дискурсе Гражданской войны // *Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки.* 2015. Т. 6, № 4. С. 298–302.
- Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.
- Халфин И.* Синтаксис большевистского субъекта // *Ab Imperio.* 2002. № 3. С. 403–409.
- Хелльбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М.: Нов. лит. обозрение, 2017. 416 с.
- Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. New York: Cambridge University Press, 1976. 319 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.12.2020

DIARY OF A (NON)ORDINARY WOMAN: DIALOGUES WITH TIME AND SEARCH FOR YOURSELF

N. V. Surzhikova

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science, 16, S. Kovalevskaya str., 620108, Yekaterinburg, Russia
snvplus@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1067-3255
ResearcherID: AAJ-4526-2021

E. Ju. Lebedenko

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science, 16, S. Kovalevskaya str., 620108, Yekaterinburg, Russia
hyulebed@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2308-8805
ResearcherID: Q-8162-2016
Scopus Author: 49964686900

The article attempts at detecting different meanings of the personal diary of Tatiana Rozhkova, a resident of post-war Tyumen, and various manifestations of the social and the individual reflected in it. It considers the ways of the author's self-image construction and correlation of its facets in the space of the diary text. It is shown how the diarist's addiction to propagandistic rhetoric of "culturalness", transferred to the sphere of everyday life, was com-

bined with her own understanding of culture. Rozhkova's speculations on the mission of the Soviet intelligentsia and her attitude towards the representatives of the "uncultured" strata of the population testified that her social ideas were hierarchical. It is noted that the facade and "behind the facade" components of Soviet reality did not come into conflict in the text of the diary, which points to the diarist's apolitical character. It is shown that the theme of labor / work, which was understood in two ways: as a collective feat and as individual creativity, became a borderline theme for the diary, where the socially conditioned and the individually significant overlapped and came into contact with each other. The creation of an autonomous private home space isolated from the outside world was especially significant for the diarist. The achievement of this goal was facilitated by the arrangement of Rozhkova's apartment in accordance with the values of the nascent Soviet middle class with its passion for homeliness and comfort. It is concluded that the epoch in Tatiana Rozhkova's diary manifested itself primarily in those rhetorical models and figurative patterns that were relevant at the time and served as models for the diarist.

Key words: ego-documents, diary, era, social, individual, identity, self-image.

References

- Boym, S. (2002), *Obshhie mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common places: mythologies of everyday life in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 310 p.
- Dunham, V. (1976), *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, UK, USA, 319 p.
- Filtser, D. (2011), *Sovetskie rabochie i pozdnyy stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovlenie stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Soviet workers and late Stalinism: Labour and the restoration of the Stalinist system after World War II], ROSSPEN, Moscow, Russia, 359 p.
- Gurova, O.Yu. (2005), "From everyday asceticism to the cult of things: consumption ideology of in Soviet society", in *Lyudi i veshhi v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture* [People and things in Soviet and post-Soviet everyday culture], Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, pp. 6–21.
- Halfin, I. (2002) "The syntax of the Bolshevik subject", *Ab Imperio*, № 3, pp. 403–409.
- Hellbek, J. (2017), *Revolutsiya ot pervogo litsa: Dnevnik stalinskoy epohi* [Revolution on my mind: writing a diary under Stalin], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 416 p.
- Klark, K. (1992), "The Stalinist myth of the «great family»", *Voprosy literatury*, № 1, pp. 72–96.
- Kozlova, N.N. (1995), "Socialist realism: producers and consumers", *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, № 4, pp. 143–153.
- Kustarev, A. (2002), "On the agents of soviet chronotop", *Ab Imperio*, № 3, pp. 261–273.
- Lahusen, T. (2000), "How life reads a book: popular culture and the reader's discourse in late socialist realism", in Gyunter, X. & E. Dobrenko (eds.), *Sotsrealisticheskiy kanon* [The socialist realist canon], Akademicheskij proekt, St. Petersburg, Russia, pp. 609–624.
- Mikheev, M.Yu. (2007), *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as ego-text (Russia, 19th – 20th century)], Vodoley Publishers, Moscow, Russia, 262 p.
- Mordvintseva, A.V. (2010), *Poslevoennaya gorodskaya povsednevnost': Tyumen' i tyumentsy v 1945–1953 gg.* [Post-war urban everyday life: Tyumen and its inhabitants in 1945–1953], PhD dissertation, Tyumen State University, Tyumen, Russia, 286 p.
- Paperno, I. (2004), "Soviet experience, autobiographical writing and historical consciousness: Ginzburg, Herzen, Hegel", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 4 (68), pp. 102–128.
- Radaev, V.V. & O.I. Shkaratan (1996), *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification], Aspekt-Press, Moscow, Russia, 317 p.
- Romanova, E.N. & L.B. Stepanova (2017), "A.N. Nikiforov's diary: biography as a communicative space", *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, № 6, pp. 30–38.
- Savkina, I.L. (2015), "«I'm just an ordinary person»: Two women's diaries from soviet times", *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, № 4, pp. 79–88.
- Semenova, V.G. & N.N. Toburokov (2018), "Diary as a reflection of the writer's personality (On the material of A. Sofronov and S. Danilov's diaries)", *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, № 1–4 (67), pp. 133–137.
- Tikhomirov, A.A. (2016) "Earning, vindicating and returning the party's trust: The soviet «I» in public letter-writing to party-state authorities in early Soviet Russia", *Noveyshaya istoriya Rossii*, № 3 (17), pp. 138–158.
- Trifonova, V.V. (2015), "Identity conflicts in the socio-political discourse of the Civil War", *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Ser.: Gumanitarnye nauki*, Vol. 6, № 4, pp. 298–302.
- Volkov, V.V. (1996), "Conception of culture: Soviet civilisation and everyday life of Stalin's time", *Sotsiologicheskij zhurnal*, № 1–2, pp. 194–213.
- Zemskova, D.D. (2016), *Sovetskiy proizvodstvennyy roman: evolyutsiya i hudozhestvennye osobennosti zhanra* [Soviet production novel: the evolution and artistic features of the genre]: PhD dissertation, Moscow, Russia, 247 p.
- Zolotarev, O.V. (2012) "The Intelligentsia: Soviet Period", *Intelligentsiya i mir*, № 4, pp. 44–56.